



ТРОПИНКА

ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТЕЙ.

№ 10
15 М А Я

1906 годъ.

Май № 10.

Содержание.

1. Весенняя пёска — стхотопение Сержа Лордовича. Ст. 10.
2. Полотъ — разсказъ Л. Ю.
3. Коломолье — разсказъ С. Лордовича.
4. Синьора ея яртыня С. Лордовича.
5. Исторія одного вора въ — разсказъ М. С. Воздвиженца.
6. (продолженіе) С. Лордовича.
7. Селенъ — разсказъ С. Лордовича.
8. Артемидифъ.
9. Ршенье затвара, помѣщеннаго въ 9-мъ М.

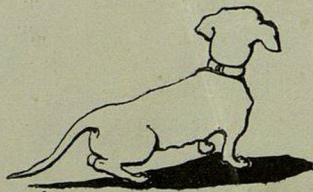
ЖУРНАЛЬ

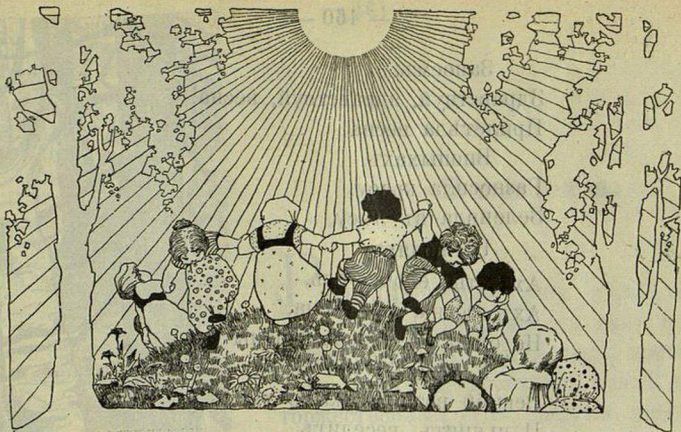
ТРОПИЧКА.



Содержаніе.

1. **Весенняя пѣсенка** — стихотвореніе *Сергѣя Городецкаго*. Съ рисункомъ *А. Ю.*
2. **Болота** —разсказъ *Осипа Дымова*. Съ 2 рисунками *С. Городецкаго*.
3. **Богомолье** —разсказъ *А. Ремизова*.
4. Снимокъ съ картины *С. Коровина*, Богомольцы.
5. **Исторія одного воробья** —разсказъ *М. С. Безобразовой*. (продолженіе). Съ 4 рисунками *Allegro*.
6. **Жидкій воздухъ** —*А. Генкеля*. (окончаніе). Съ рисункомъ.
7. „Зеленая“ недѣля —*В. Успенскаго*.
8. Ариемогрифъ.
9. Рѣшеніе задачъ, помѣщенныхъ въ 9-мъ №.





Весенняя пѣсенка.

ВЫПАЛЪ вешній денекъ,
На бугрѣ солнцепекъ.
Собирайся, собирайся, народъ,
Въ хороводъ!
Станемъ кругомъ ходить
Да весну веселить,
Хороводъ заведемъ,

Запоемъ:

Здравствуй, здравствуй, весна!

Прилетѣла весна

Впопыхахъ.

Разносила красу,

Зеленила въ лѣсу,

На поляхъ.

Ахъ, ты, елочка-ель,

Ахъ, сосна, ты, сосна,

Не одни вы теперь зелены

У весны!

Вешній воздухъ, какъ хмель,

И пьянить, веселить

И зоветь

Въ хороводъ.

Будемъ кругомъ идти,

Ты, весна, залети

Въ тѣсный кругъ.

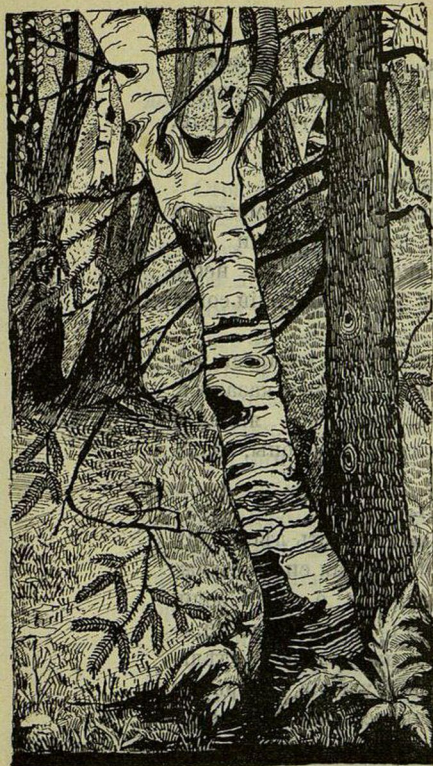
Улыбнись, озари

И цвѣтами весь лугъ

Убери!

Сергій Городецкій.





Болота.

РАНЫШЕ здѣсь росъ лѣсъ. Въ какое время онъ появился, какъ развился—никто не знаетъ. Когда сюда пришли люди, лѣсъ уже существовалъ. Глухой, важный и торжественный гулъ носился вверху между вѣтвями. Нѣтъ, это былъ не только вѣтеръ. Иногда, особенно въ лѣтній полдень, вѣтеръ смолкалъ, но смутный гулъ, какъ неразгаданная рѣчь, носился надъ лѣсомъ. Что же это? Ужъ не разговариваютъ ли между собой деревья?

Можетъ быть. Старое дерево — мудрое дерево. Оно переживаетъ иногда три-четыре и болѣе поколѣній людей. Правнукъ забылъ своего прадѣда, никогда, можетъ быть, не слыхалъ про него, но старая, вся обросшая

мхомъ сосна помнитъ его еще мальчикомъ... Очень возможно, что подъ старость дубы, ели и сосны получаютъ даръ слова—своего особаго древеснаго слова—и говорятъ. Вотъ откуда этотъ мудрый, долгій и глубокой гулъ въ лѣсу...

Шли годы, проносились, какъ сны, надъ землей.

Гдѣ-то среди полей, на берегу рѣкъ, выростали города, мосты и станціи. Двигались люди по широкимъ улицамъ, которыя убили своимъ камнемъ зеленую ароматную траву. Занимались весны въ небѣ, какъ долгожданная заря, опускалась осень, какъ вечерній тихій сонъ. Рождались люди, умирали... рождались новые...

Лѣсъ жилъ таинственной жизнью, и на первый взглядъ казалось, что между нимъ и городомъ не было ничего общаго, но такъ только казалось.

Это было не только собраніе деревьевъ, нѣтъ, весь лѣсъ являлся однимъ цѣльнымъ и мощнымъ организмомъ, блюлъ свои законы, зналъ свои причины.

Лѣсное государство — такъ хотѣлось назвать.

Въ огромномъ механизмѣ природы нѣтъ деревьевъ—есть лѣсъ. Онъ входитъ въ законъ жизни, какъ громадная и таинственная сила, и каждое дерево въ отдѣльности совершенно не догадывается о своей роли

Какъ только деревья, выросши, коснулись другъ друга вѣтвями,— „сомкнулись“ какъ говорятъ лѣсоводы,—сейчасъ же каждое отдѣльное дерево лишается своей самостоятельной, вольной жизни. Теперь это подданные одного и того же Лѣсного Царства. Всѣ тянутся вверхъ къ солнцу, къ солнцу, и кто отсталъ—тотъ умираетъ, медленно засыхая на корню.

Здѣсь свои причины, свои законы, свои цѣли, про которые не догадываются люди въ городахъ.

II.

Страшная и таинственная связь между лѣсомъ и городомъ.

Весна приходитъ изъ лѣсу. Какъ это случается? Снѣгъ вокругъ стволовъ старыхъ елей становится ниже, углубляется. Похоже, что каждое дерево помѣщено въ бѣлую, прекрасную вату. Потомъ, надъ лѣснымъ царствомъ, рано по утрамъ показывается кусочекъ очень свѣтлаго и очень далекаго неба. Но ужъ всё деревья узнали, что вотъ такого-то февраля (въ послѣднихъ числахъ) утромъ показалось небо и слабый, не золотой, а еще только серебряный лучъ солнца. И начинаютъ волноваться. Пробѣгаетъ вѣтеръ. Онъ подслушиваетъ то, о чемъ шепчутъ въ зимнемъ полуснѣ деревья и спѣшить въ городъ, на улицы, припадаетъ къ окнамъ, иногда шумить въ трубахъ. И вотъ странно: раньше всего и яснѣе всего слова вѣтра, который прибѣжалъ, захавшись, изъ лѣсу, слова вѣтра понимаютъ больныя дѣти. Я не умѣю вамъ объяснить почему, но это такъ. Бѣдныя дѣти, хромяя или горбатыя, или тѣ, чьи лица блѣдны и движенія слабы, говорятъ:

— Мама, скоро весна.

Точно такъ же они первыми узнаютъ, что надвигается осень — осень изъ лѣса. Еще въ городѣ жарко и душно, а ужъ листья въ лѣсу пожелтѣли, сморщились, хвоя потемнѣла.

И опять больныя дѣти говорятъ по вечерамъ:

— Скоро осень, мама.

Скоро осень... нахмурится лѣсъ, его окутають туманы, въ лѣсные рвы наберется вода, будутъ жалко и тихо стоять въ водѣ хвощи и осоки. Спрячутся всѣ жуки и ихъ личинки, мохъ подъ соснами станеть влажнымъ. Словно заплачетъ.

— Осень, мама...

А тамъ изъ шумящаго, нахмуреннаго, холоднаго лѣса вырвется злой вѣтеръ, пронесется по покорнымъ полямъ, ворвется въ городскія улицы, застучитъ въ окна.

— Довольно, закройте крѣпко двери, вставьте вторыя рамы, затопите печки, присматривайте за дѣтьми, чтобы они не простудились. Зима идетъ, зима...

Такъ изъ года въ годъ, изъ столѣтїя въ столѣтїе сообщались между собой лѣсъ и городъ, выросшїй на рѣкѣ среди полей.

III.

Но вотъ что-то случилось съ лѣсомъ. Не съ деревьями отдѣльно, а со всѣмъ лѣсомъ, съ Лѣснымъ Царствомъ.

Лѣсъ болѣеть точно такъ же, какъ болѣеть человѣкъ или даже цѣлый народъ. Его лѣчатъ. Есть объ этомъ цѣлая наука.

И вотъ лѣсъ, о которомъ я разсказываю, заболѣлъ. Болѣзнь состояла въ томъ, что часть соковъ, которые движутся въ толщѣ деревьевъ, какъ кровь въ жилахъ, часть соковъ стала уходить въ землю. Почему это произошло—трудно опредѣлить. Это одна изъ тайнъ при-

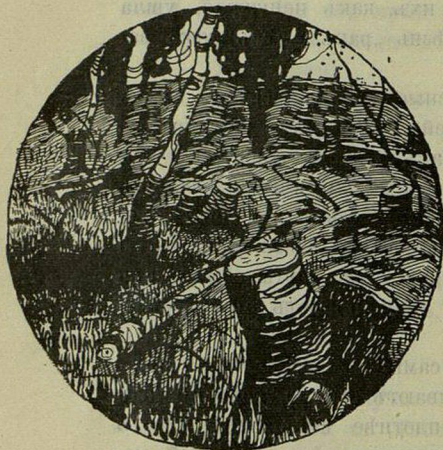
роды, и ихъ не такъ скоро удастся разгадать. Весьма возможно, что причиной этого явилось то, что лѣсу ужъ слишкомъ хорошо и при-вольно жилось. Слишкомъ много соковъ (крови) бродило въ его жи-лахъ (древесныхъ тканяхъ) и вотъ часть ихъ, какъ ненужная, ушла въ землю. Есть у людей смертельная болѣзнь „ракъ“, лѣсъ тоже за-болѣлъ „ракомъ“.

И вотъ что произошло. Соки древесные отложились въ землѣ подь корнями въ видѣ разныхъ „солей“, твердыхъ, застывшихъ веществъ. Потому что кровь деревьевъ, какъ и кровь человѣка и жи-вотныхъ, заключаетъ въ себѣ очень сложные химическіе составы. Эти „соли“, полезныя деревьямъ, вредны землѣ, онѣ отравляютъ ее, убиваютъ, превращаютъ ее въ камень. Лѣсоводы называютъ такую отравленную землю подь корнями болѣвшаго лѣса „ортштейнъ“—отъ нѣмецкихъ словъ „Ort“ (мѣсто) и „Stein“ (камень); вотъ этотъ „мѣст-ный камень“ и погубилъ лѣсъ.

Онъ образовался внутри, въ землѣ, у самыхъ корней; деревья стали нуждаться въ пищѣ, которую они высасываютъ своими корнями изъ земли. Но вокругъ ихъ все тверже и плотнѣе становился пластъ земли „ортштейна“. Было похоже на то, что весь лѣсъ — старый, мо-гучій мудрый лѣсъ—попался въ хитрую ловушку.

Исчезли изъ него многія травы, цвѣты, и земля сверху накрылась сначала верескомъ, а потомъ сѣрымъ унылымъ налетомъ ягеля (оленьяго мха). Опытный глазъ знаетъ, что присутствіе этого мха опасный и зловѣщій признакъ.

Время шло, летѣли годы. На поверхности земли, въ лѣсу, все чаще и чаще начала застаиваться вода, во множествѣ появились комары, кое-гдѣ въ низменныхъ мѣстахъ вода не высыхала все лѣто, Чѣмъ это объяснить? А очень просто: орштейнъ не пропускалъ воды во внутрь, не давалъ ей просачиваться и держалъ ее на поверхности, словно она была налита въ обширный и плоскій сосудъ.



Все больше и больше застаивалась вода. Тамъ, гдѣ прежде была прекрасная обитая свѣтомъ лѣсная поляна, образовалось топкое озеро. Медленно и неумолимо гнили деревья. Сгнивали заживо и не было никакой возможности ихъ спасти. Стало уныло и жутко среди этихъ живыхъ труповъ. Одни за другимъ валялись деревья, и стоячая, прѣлая вода съѣдала ихъ трупы.

Конечно, это случилось не въ годъ и не въ два... Тянулись печальныя десятилѣтія. Дольше всѣхъ жили черная ольха и ели. Ель выросла корявая, хилая, больная и въ сто лѣтъ была похожа на двадцатилѣтнюю.

VI.

Прошли еще года, пронеслись, какъ сонъ, надъ землей—и на мѣстѣ, гдѣ когда-то жилъ зеленой великой жизнью лѣсъ, теперь разстилаются мертвыя унылыя болота.

Знаетъ ли объ этомъ городъ, чувствуетъ ли эту утрату человѣкъ?

Слушайте! Весна явилась въ городъ блѣдная, робкая, съ вялой, грустной улыбкой. Она уже не пахла лѣсомъ, потому что лѣса не было и не было оттуда вѣтра, который рассказывалъ... Больныя дѣти говорили:

— Весна!

Но не улыбались, имъ было тяжело, они задумчиво глядѣли на небо.

Сдѣлалось суше, рѣзче, душнѣе лѣто, дождливѣе, хмурѣе осень, и злѣе зима. Зима особенно измѣнилась. Вѣтеръ являлся подь осеннія окна раньше, гораздо раньше прежняго и злымъ хриплымъ голосомъ кричалъ:

— Заприте крѣпко двери, вставьте двойныя рамы, затопите печи, уберите вашихъ дѣтей, берегите!..

И дѣйствительно, дѣти чаще хворали, труднѣе оправлялись.

А люди въ городахъ сдѣлались угрюмѣе, рѣже улыбались, при встрѣчахъ мало разговаривали и среди нихъ меньше рождалось поэтовъ и великихъ художниковъ.

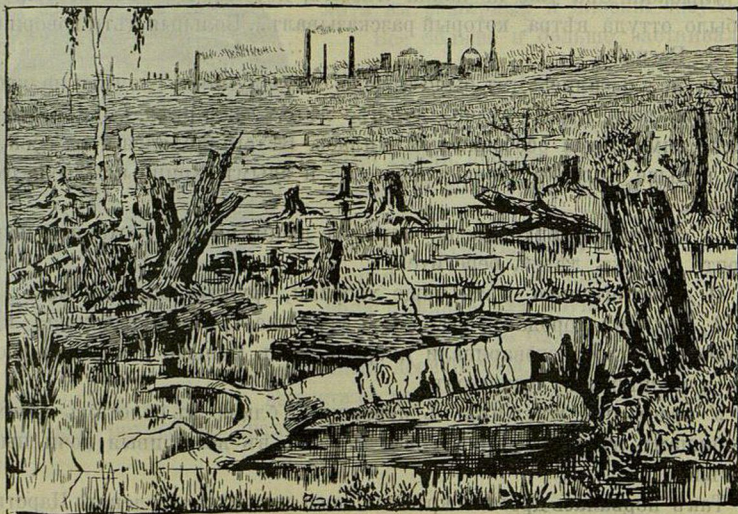
У крестьянъ, жившихъ въ деревняхъ, ближе къ болотамъ—этимъ кладбищамъ лѣса гноились глаза и часто въ дождливыя ночи ныло все тѣло.

Такъ порвалась древняя крѣпкая связь человѣка и зеленаго Царства.

Городъ, какъ старый вдовецъ, остался одинъ, одинокъ на землѣ. Въ огромной Божьей машинѣ былъ испорченъ одинъ винтъ и это отозвалось на всемъ механизмѣ.

И много пройдетъ еще времени, пока не затянется рана и желѣзные законы природы приведутъ въ равновѣсіе колеса таинственной Божьей машины...

О. Дымовъ.



Богомолье.

ПЕТЬКА, мальченка дотошный, шаландать куда гораздый, увязался за бабушкой на богомолье.

То-то дорога была. Для Петьки вольготно: гдѣ скокомъ, гдѣ взапуски, а бабушка старая, ноги больныя, едва духъ переводить.

И страху же натерпѣлась она съ Петькой и опаски,—пострѣлъ, того и гляди, шею свернетъ, либо куда въ нехорошее мѣсто ткнется, мало ли! Ну, и смѣху было: въ жизнь не смѣялась такъ старая, тряхонула на старости лѣтъ старыми костями. Умора давай разныя разности выкидывать: то медвѣдя, то козла начнетъ представлять, то кукуетъ по кукушечьи, то лягушкой заквакаетъ. И озорничалъ немало: напугалъ бабушку до смерти.

— Нѣтъ,—говорить,—сухарей больше, я все съѣлъ, а червяковъ, хочешь, я тебѣ собралъ, вотъ!

Вотъ тебѣ и богомолье,—полпути еще не пройдено, Господи! А Петька поморочилъ, поморочилъ бабушку, да вдругъ и подносить ей полную горсть не червяковъ, а земляники, да такой земляники, все пальчики оближешь. И сухари все цѣлы-цѣлехоньки.

Скоро пѣсня другая пошла. Уморились страннички. Бабушка все молитву творила, а Петька „Господи помилуй“ пѣлъ.

Такъ добрались они шажкомъ да тишкомъ до самаго монастыря.

И прямо къ утренѣ попали. Выстояли они утреню, выстояли обѣдню, пошли къ мощамъ, да къ иконамъ прикладываться.

Петькѣ все хотѣлось мощи посмотреть, что тамъ внутри находится, приставалъ къ бабушкѣ, а бабушка говоритъ: „нельзя, грѣхъ“.

Закапризничалъ Петька. Бабушка ужъ и такъ и сякъ, крестикъ ему на красенькой ленточкѣ купила, ну, помаленьку и успокоился. А какъ успокоился, опять за свое принялся. Потащилъ бабушку на колокольню колоколь посмотреть. Ужъ лѣзли—лѣзли, и конца не видно, ноги подкашиваются. Насилу вскарабкались.

Петька, какъ колокольчикъ, заливается, гудитъ,—колоколь представляеть. Да что,—ухватился за веревку, чтобы позвонить; еще, слава Богу, монахъ оттащилъ, а то долго-ли до грѣха.

Кое-какъ спустились съ колокольни, усѣлись въ холодкѣ подзакусить. Тутъ старичекъ одинъ странникъ житіе пустился рассказывать Петька ни одного слова мимо ушей не проронилъ, вѣкъ бы ему слушать..

А какъ свалила жара, снова въ путь тронулись.

Всю дорогу помалкивалъ Петька, крѣпкую думу думалъ: поступить бы ему въ разбойники, какъ тотъ святой, о которомъ странникъ-старичекъ рассказывалъ, грѣхъ принять на душу, а потомъ къ Богу обратиться—въ монастырь уйти.

— Въ монастырѣ хорошо,—мечталъ Петька,—ризы то какія золотыя, всякій Божій день лазаю на колокольню, никто тебѣ уши не надереть, и мощи смотрѣлъ бы. Монаху все можно, монахъ долгогривый

Бабушка охала, творила молитву.



Богомольцы. Съ картины С. Коровина.



IV.

НАСТУПАЛА зима, облетали послѣднія листья, отцвѣтали послѣдніе цвѣты, перелетныя птицы давно улетѣли. Пикъ тосковалъ по аистѣ нѣсколько дней, потомъ—не забылъ, нѣтъ, а свыкся, сталъ попрежнему интересоваться все́мъ въ жизни, и къ разнымъ его мечтамъ прибавилась новая: онъ сталъ мечтать о веснѣ и возвращеніи своего друга.

Въ домѣ вставили двойныя рамы, стали раздаваться новые звуки, пошли разговоры дровъ въ печахъ и каминахъ; Пикъ могъ часами слушать ихъ рассказы. За то на дворѣ становилось все тише, точно все засыпало, а когда просыпалось на короткое время, не имѣло ни охоты, ни силъ жить шумно, стяхнуть съ себя вполнѣ дремоту. При-

рода хотѣла отдохнуть за зиму, набраться къ веснѣ новыхъ силъ— тамъ опять пойдетъ работа. Иногда выйдетъ солнце и смотреть не жарко, но привѣтно и свѣтло, и земля, почувствовавъ его взгляды, улыбается ему въ отвѣтъ кроткой, блѣдной улыбкой и вспоминаетъ прожитое лѣто и осень. Но скоро блѣднѣетъ солнце и уже начинаетъ склоняться къ закату, и уже стынеть улыбка земли, и ложатся на ней тѣни, и опять уже спитъ она и грезитъ о солнцѣ. Порой воспоминанія охватятъ съ такой силой, что полъ неба вспыхнетъ вдругъ, словно гдѣ гигантскій пожаръ, и въ отвѣтъ небу точно дрогнетъ что на землѣ, и вдругъ вззоетъ вѣтеръ и разгуляется мятель, а не то хватить такой морозъ, что все кругомъ трещить, и гудить, и ухаеть, и скрипитъ; и деревья, и кусты, и поля, нарядившись въ иней и снѣгъ, сверкаютъ и горятъ тысячами огней. Но и воспоминанія вспыхиваютъ не надолго, солнце гаснетъ, и опять все тихо, и все спитъ, и изрѣдка улыбаясь сквозь сонъ.

Пикъ все это отмѣчаетъ про себя и дивуется. — И зима хороша и интересна, особенно первая, когда впервые все это наблюдаешь. Однако, лѣто лучше: какъ ни какъ, зимой приходится большую часть времени спать—такіе страшно короткіе дни! А спать Пикъ не очень любитъ, хоть и видаетъ порой прекрасные сны. Потомъ пропасть народу поулетало, попряталось, поисчезало, ужасно пустынно, хоть шаромъ покати, а этого Пикъ не очень-то любитъ. Теперь иногда, когда въ хорошую погоду отправится онъ на дальнюю прогулку, летаетъ, летаетъ—никого не встрѣтитъ, нѣтъ возможности

ни съ кѣмъ поговорить. Въ воздухѣ совсѣмъ пусто, хоть бы муха какая-нибудь пролетѣла! О мухахъ и всякой другой мошкарѣ Пикъ вспоминаетъ безъ малѣйшей примѣси сколько-нибудь хищнаго чувства, въ этомъ отношеніи даже радъ, что соблазну нѣтъ. Случалось-таки и ему нѣтъ-нѣтъ да и сцапать какую-нибудь букашку или червячка, но больше этого не будетъ, — онъ твердо рѣшилъ съ будущей весны не ѣсть ничего живого. Ему кажется, что вообще міръ сталъ бы еще прекраснѣе, если бы все были вегетеріанцами, т. е. ѣли бы только растительную пищу, но аистъ, когда онъ ему это сказалъ, нѣсколько строгимъ тономъ возразилъ:

Ну, это ужъ вы оставьте! Во всякомъ случаѣ, это преждевременно, для насъ по крайней мѣрѣ. Пусть сначала люди станутъ вегетеріанцами и намъ покажутъ примѣръ, тогда другое дѣло. Вообще, я нахожу, что все новое должно идти сверху внизъ, отъ старшихъ къ младшимъ. Таково мое мнѣніе. —

Чтожъ, приходится иногда кое-въ-чемъ не сходитьсь и съ самыми близкими друзьями! А вонъ высоко-высоко въ серебристо-голубомъ воздухѣ виситъ огромный воронъ и время отъ времени прокричитъ что-то презрительно-насмѣшливымъ звукомъ своего деревяннаго, словно слегка расколотаго гoлoса.

Что онъ выглядываетъ съ этой высоты? Надъ кѣмъ или надъ чѣмъ издѣвается? Странное дѣло! — Каждый разъ, какъ Пикъ слышалъ этотъ беспощадно-презрительный звукъ, ему и жутко становилось и страшно хотѣлось подняться до ворона, добиться, въ чемъ тутъ дѣло. Не то

этотъ черный бросаль оттуда кому-то вызовъ, не то роняль безпощадный приговоръ! Что, кому, за что? Ахъ, узнать бы, узнать! Можетъ быть, это только такъ кажется Пикъ жуткимъ, потому что онъ воробей, а на самомъ дѣлѣ воронъ просто вызываетъ къ себѣ кого-нибудь, манить подняться съ собой на эту голубую высоту? Невѣроятно, чтобы онъ всю свою жизнь былъ исключительно занятъ тѣмъ, чтобъ вѣчно кому-нибудь зловѣщать, какъ думаютъ нѣкоторые. Есть у него другіе интересы. Можетъ быть, чего бы онъ только не поразказалъ!

Ну, однако, воробью къ ворону съ разспросами соваться не полагается. Къ воронамъ и къ тѣмъ не подступиться—недовольныя, сердитыя, скачутъ тяжело и неуклюже, точно у нихъ разбиты ноги и все больше бранятся или сплетничаютъ. А когда морозъ сильнѣй, сидятъ неподвижно темными пятнами, словно неживыя.

— Холодно, голодно,—пробормочетъ одна.

— Да, вѣрно... скверно,—отзовется другая и опять молчатъ.

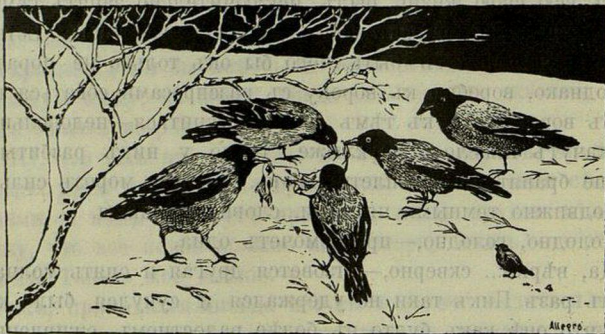
Одинъ разъ Пикъ таки не удержался и сунулся было къ нимъ, увидавъ, что онѣ какъ будто въ болѣе радостномъ, оживленномъ настроеніи: только что передъ тѣмъ кухарка выбросила какую-то жирную тряпку, и онѣ усиленно теребили ее.

— Сегодня не такъ холодно, — началъ Пикъ, — можно великолѣпную прогулку сдѣлать.

— Ну, и гуляйте себѣ! Вамъ, кажется, никто не мѣшаетъ.

— Да, конечно.. Я только хотѣлъ спросить, не можете ли вы мнѣ сказать, что это такъ странно выкрикиваетъ воронъ?

— Какой воронъ? Ахъ, какъ вы не во время сунулись съ вашими дурацкими разговорами, вотъ видите—сосѣдка воспользовалась тѣмъ, что я повернула голову и изъ подъ самага носа выхватила у меня самый жирный край тряпки. Въ кои то вѣки выбросили дѣйствительно хорошую тряпку!



Кухарка выбросила какую то жирную тряпку и вороны усилленно теребили ее.

— Извините, пожалуйста, я думаю, что это скверная тряпка и даже удивился, увидавъ, какъ вы на нее набросились.

— Набросились! Вамъ хорошо говорить, человѣческой прихвостникъ! А когда съ голоду умираешь, поневолѣ обрадуешься возмож-

ности пососать и жирную тряпку... Посмотрите, онѣ вырвали у меня и послѣдній край. Все изъ-за этого противнаго лизоблюда!

— Я ни капли ни лизоблюдь и даже въ первый разъ слышу такое некрасивое слово. А если ужъ на то пошло, не знаю, что лучше: лизать блюдо или сосать грязную тряпку.

— Слышите, слышите! Да заключаемте же этого нахала! Я изъ-за него потеряла свою порцію тряпки; мнѣ ничего не досталось, и онѣ же еще смѣетъ ругаться!

Тутъ всѣ вороны взяли сторону своей сестры и разсвирѣпѣли на Пика, особенно та, которая первая выхватила у потерпѣвшей изъ-подъ носа ея кусокъ.

— Зѣвать никогда не слѣдуетъ, такъ вѣчно будешь терять; знаешь, вѣдь, что люди и такъ издѣваются надъ этой нашей манерой и говорить—проворонивать. Но говорить тебѣ дерзости, да еще какому-то воробью, этого я никогда не позволю!

— Прочь, прочь отъ насъ, человѣческій нахлѣбникъ!—во всю мочь кричали другія вороны, такъ что у Пика въ ушахъ звенѣло.

— Но позвольте, — пробоваль онѣ выкрикнуть, — вы же не даете ничего сказать, такъ нельзя спорить.

— Да кто тутъ желаетъ съ вами спорить? Неслыханное нахальство! Все это воробьиное отродье отличается имъ. А чѣмъ могутъ похвастать? Развѣ только тѣмъ, что вѣчно живутъ подъ ногами у людей.

— Позвольте, вы можете мнѣ лично говорить все, что угодно, но оскорблять всѣхъ воробьевъ вообще...

— Ахъ, скажите, пожалуйста! Какъ будто и такъ всему міру не извѣстно, что вы самый презрѣнный народъ. А вы лично, вы—паразитъ и больше ничего.

— Позвольте, что такое паразитъ?

— Ахъ, даже такого простого слова не знаете? Слышите, слышите! Онъ даже не знаетъ, что такое паразитъ, и туда же хочетъ спорить съ нами. Паразитъ, милостивый государь, это тотъ, кто живетъ, вотъ, какъ вы, ровно ничего не дѣлая, на чужой счетъ; чтобъ самому существовать пользуется трудами, самою жизнью другого и часто губить того, на чей счетъ живетъ. Да вотъ, надъ оврагомъ, чудесный осокорь, еще немного и пропадетъ совсѣмъ отъ древесныхъ паразитовъ, которые завелись на немъ и высасываютъ изъ него лучшіе соки.

— Такъ чего жъ тутъ общаго со мной?!

— Господи, да вы, вѣдь, дня не можете прожить безъ людей, и все ваше воробьиное отродье.

— Ну, знаете, я бы могъ вамъ на это столько возразить...

— Ахъ, неужели! Впрочемъ съ нахаломъ не стоитъ говорить; все равно всему міру извѣстно, что воробьи — самая пошлая птица: весь вѣкъ свой передъ людьми прыгаете, чуть не подъ ноги кидаетесь за всякой подачкой и дальше этого ничего не видите. Каждый воробей стремится къ одному: чтобъ у него въ гнѣздѣ было потеплѣй, да посытнѣй; достигъ этого, и все прекрасно, и больше не къ чему стремиться, и не о чемъ думать; „у меня въ гнѣздѣ все, какъ у другихъ

улетѣхъ, что побогаче“, и цѣль достигнута, а тамъ хоть весь міръ провались.

— Нѣтъ, нѣтъ, повторяю: я могъ бы возразить вамъ много и прежде всего въ вашихъ словахъ есть противорѣчіе..

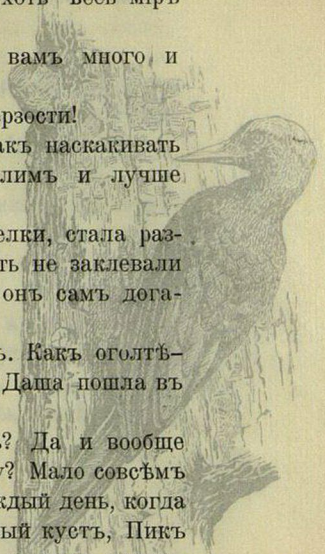
— Гоните, гоните его вонъ, онъ говоритъ намъ дерзости!

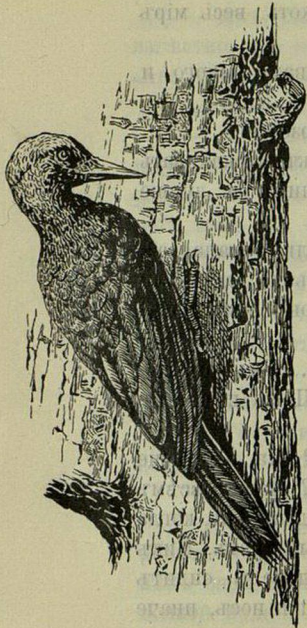
Тутъ вороны подняли такое карканье и стали такъ наскакивать на Пика, что онъ увидалъ, что всякій споръ немислимъ и лучше удалиться.

Онъ полетѣлъ въ садъ, а кухарка, перетирая тарелки, стала рассказывать вошедшей въ кухню Дашѣ, какъ вороны чуть не заклевали барышниного воробушка; ужъ она хотѣла бѣжать, да онъ самъ догадался — улетѣлъ.

Чего жъ мудренаго, когда нибудь и заклюютъ. Какъ оголтѣлый какой, такъ всюду и суется. И, забравъ тарелки, Даша пошла въ столовую.

А Пикъ летѣлъ и думалъ: почему же я паразитъ? Да и вообще воробы? Взоръ! Съ кѣмъ бы потолковать по хорошему? Мало совѣмъ птицъ! Вотъ еще дятель интересуется Пика. Почти каждый день, когда морозъ не силенъ, влетѣвъ въ садъ и, сѣвъ на сиреневый кустъ, Пикъ слышитъ словно кто молоточкомъ поколачиваетъ: дятель сидитъ противъ него на соснѣ и стучитъ носомъ. Очевидно, крѣпкій носъ, иначе ему было бы больно, а ему, повидимому, совѣмъ не больно; онъ очень занятъ своимъ дѣломъ и ни на что не обращаетъ вниманія; постучитъ-постучитъ и вдругъ побѣжитъ кругомъ по стволу; добѣжитъ до проти-





вположной стороны и быстро-быстро начнет клевать что то на корѣ сосны, но уже безъ стука, носъ работаетъ неслышно. Ключувъ такъ нѣсколько — разъ, опять бѣжитъ на прежнее мѣсто и опять принимается стучать.

— Что за исторія? — думаетъ Пикъ и рѣшается на этотъ разъ узнать въ чемъ дѣло.

— Скажите, пожалуйста, и не устанетъ у васъ носъ такъ вотъ стучать?—Я все смотрю на васъ и удивляюсь.

— Нечего дѣлать, такъ и удивляетесь, — стукъ, стукъ, стукъ. Вы, можетъ быть, — на даровыхъ хлѣбахъ, я — нѣтъ — стукъ, стукъ. — Долженъ работать. Работаю носомъ! Такъ созданъ! Всякъ, какъ можетъ. Къ чему приспособленъ. Я носомъ. Носъ крѣпокъ. Устать не можетъ. На это и данъ. Носъ на удивленье! стукъ! и крѣпокъ, — стукъ! И великъ, — стукъ! И красивъ, — стукъ! Вы согласны? — стукъ, стукъ, стукъ!

— О да! — самымъ искреннимъ образомъ сказалъ Пикъ. Онъ находилъ, что носъ у дятла былъ дѣйствительно и крѣпокъ, и великъ, и красивъ, и съ большимъ вниманіемъ слушалъ отрывистыя фразы дятла.

— Очень радъ!

Но мнѣ хотѣлось бы знать, какъ вы зарабатываете такимъ способомъ хлѣбъ? Не просто же стукомъ?

— Не мѣшайте! Дайте кончить! Объясню.

Дятель опять забѣжалъ на другую сторону сосны, поклевалъ, потомъ перелетѣлъ на вѣтку повыше, усѣлся и посмотрѣлъ въ сторону Пика. — Кончилъ! Теперь могу говорить, какъ слѣдуетъ. Вы заговорили, когда я кончалъ работу. Это еще ничего, а то я терпѣть не могу, если заговариваютъ со мною, когда я занятъ. Обыкновенно не отвѣчаю. А работаю я такъ: стучу и стукомъ пугаю мелкую дичь, которая прячется за корой и ютится тамъ. Отъ стука все бросается прочь къ противоположной сторонѣ и выползаетъ наружу; тогда я обѣгаю кругомъ и хватаю добычу. Сегодня работа была хороша, и я сытъ надолго. Не правда-ли, ловко придумано! И мой носъ тутъ мнѣ очень на руку; послѣднія слова звучатъ нѣсколько странно, особенно для насъ птицъ, но онѣ хорошо поясняютъ мою мысль. Вы, надѣюсь, понимаете?

— О, да!

— Ну, а теперь, разъ что я удовлетворилъ ваше любопытство, терпѣть не могу даромъ терять время.—И дятель полетѣлъ къ лѣсу.

— Даромъ терять время, это—говорить со мной,—подумалъ Пикъ.

— Не очень-то любезно съ его стороны. Но я все-таки благодаренъ ему: теперь я знаю причину величины дятлова носа. Да, но онъ не могъ тоже не подпустить мнѣ шпильки: можетъ быть живете на даровыхъ хлѣбахъ“.

Пикъ тоскуетъ и задумался. Ему самому иногда казалось, что воробьи придаютъ чрезмѣрное значеніе сытости и благополучію. Иногда хотѣлось крикнуть имъ: „остановитесь, господа, и одумайтесь, стоитъ ли въ это вкладывать свою душу!“ Но это бывало иногда, а вообще, за нѣкоторыя ихъ свойства, какъ-то: ихъ тяготѣніе къ людямъ, онъ ставилъ воробьевъ выше другихъ птицъ. А что они клевали крошки и другіе остатки, падавшіе со стола людей, неужели это способъ кормиться хуже, чѣмъ другіе. Вотъ и вѣсть, хоть и не подбираетъ людскихъ объѣдковъ, зато пользуется колесомъ, которое люди положили ему. Такова жизнь. Очевидно, всѣ должны пользоваться услугами другъ друга. Это должно быть взаимно. А если не взаимно? Какъ же такъ? Неужели онъ паразитъ? Онъ ничего не дѣлаетъ. Ахъ, нѣтъ! Это совершенный вадоръ! Хуже паразита, онъ ничего не можетъ быть. Онъ одаже не хочетъ больше объ этомъ думать. Нѣтъ, вѣтъ, жить и учиться, узнавать всего побольше, а тамъ—видно будетъ. Только вотъ народа на дворѣ положительно мало; къ воронамъ онъ больше не обратится, знакомство съ дятломъ, онъ чувствуетъ, дальше не пойдетъ. Кто же еще? Онъ почти каждый день навѣщаетъ родителей, но на самый короткій срокъ: что-то у нихъ стало мало общихъ темъ для разговора; отецъ плохо переноситъ холодъ эту зиму, мать вѣтъ поглощена страхомъ за его здоровье. Вѣтъ ну, неогнѣсколькихъ знакомыхъ семействъ среди воробьевъ, но его добровольное пребываніе у людей не могло пройти даромъ; они всѣ рѣшили, что онъ предпочелъ чужихъ своимъ. Мать (Пикъ былъ ея любимцемъ, хоть она и не сознавалась въ этомъ)

пробовала объяснить въ чемъ дѣло, говорила, что онъ остался у людей эту первую зиму, только жалѣя дѣвочку, которая такъ полюбила его. Ей или не вѣрили, или просто не хотѣли вѣрить, а многіе и не могли понять: какая тамъ жалость!—Вашъ сынъ такой же обыкновенный воробей, какъ и мы всѣ. И чѣмъ это онъ далъ поводъ думать, что онъ такой незаурядный? Развѣ тѣмъ, что изъ гнѣзда вывалился! Такъ это скорѣй наоборотъ...

— Мы, кузина, прежде всего считаемся съ фактами, — заявилъ дядюшка съ бѣльмомъ и нѣсколько разъ подкакнулъ. — Не хотѣлъ внять вашимъ совѣтамъ и вывалился, — фактъ! Выросъ и остался съ людьми и ночуетъ въ клеткѣ, — фактъ! Затѣмъ, каждому разрешается дѣлать изъ этого выводы, какіе кто заблагоразсудитъ.

— Ахъ, останьте вы съ вашими фактами и всякой чепухой. Просто противно! Жалѣю, что заговорила съ вами, — вдругъ страшно разсердилась воробиха и стала вся трястись и встряхиваться; никто никогда не видалъ ее въ такомъ состояніи, такъ какъ она была, вообще, особа очень сдержанная.

— Ее можно хоть отчасти оправдать тѣмъ, что она вся поглощена заботой о здоровьѣ мужа, — нѣсколько даже растерявшись замѣтилъ дядюшка съ бѣльмомъ и счелъ за лучшее больше этого вопроса не касаться.

— Я тебя предупреждала, совѣтовала, — говорила воробиха въ тотъ же день. Пику. — Вотъ теперь каково твое положеніе среди воробьевъ!

— Вы только не волнуйтесь,—это не такъ важно,—отвѣчалъ Пикъ,— и вѣрьте, что я вполне понимаю ваши чувства.

— Ну, слава Богу. Ты, значить, можешь теперь сообразить, что, если когда мать и бранить, это только показываетъ ея заботу.

— Конечно, могу.

— Вотъ, я, значить, не ошиблась таки въ немъ,—подумала воробиха; она очень обрадовалась, но не показала этого и стала дѣлать видъ, что усиленно очищаетъ клювъ.

— И я рѣшилъ,—продолжалъ Пикъ—что чувства мои къ сородичамъ останутся навсегда самыми хорошими. Я всегда радъ помочь всякому воробью.

— Ну, ну! сказала мать.

— Нѣтъ, погодите,—продолжалъ горячо Пикъ,—я знаю, что ни для кого еще ничего не сдѣлалъ, я говорю только про свои чувства и на мѣренія и, повторяю, воробью первому я желаю всякаго добра, но навязываться никому не буду, и меня такъ интересуютъ всякія другія птицы и не-птицы, что, я надѣюсь, въ знакомствѣ у меня недостатка не будетъ.

— Какъ знаешь, какъ знаешь,—проговорила задумчиво мать.—Только все-таки ты у меня вышелъ очень странный и, Богъ тебя знаетъ, какъ-то проживешь ты свою жизнь.

— Проживу не хуже другихъ.

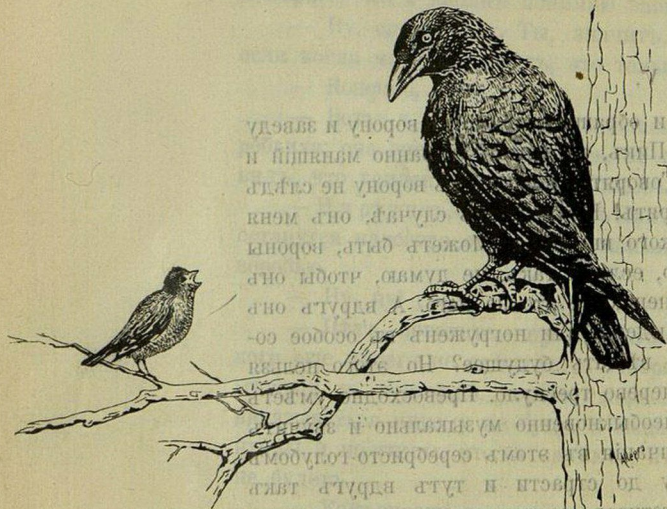
И Пикъ какъ рѣшилъ, такъ и поступалъ и среди воробьевъ появлялся только тогда, когда считалъ это совершенно необходимымъ

или думаль, что его отсутствіе можетъ кого-нибудь разсердить или обидѣть.

V.

— А что, если я возьму, да и обращусь прямо къ ворону и заведу съ нимъ рѣчь? — подумаль разъ Пикъ, слышавъ странно манящей и тревожащей его голосъ ворона. — Говорять, воробью къ ворону не слѣдъ соваться, да мало ли что говорятъ! Въ худшемъ случаѣ, онъ меня обругаетъ или не обратитъ никакого вниманія. Можетъ быть, вороны насплетничали ему на меня? Но, если и такъ, не думаю, чтобы онъ сталъ вѣрить сплетнямъ. Что-то непохоже это на него. А вдругъ онъ какъ разъ теперь дѣлаетъ наблюденія или погруженъ въ особое состояніе, послѣ котораго можетъ вѣщать будущее? Но этого нельзя знать, вонъ вонъ, опять, словно дерево треснуло. Превосходно умѣетъ крикать! У него это выходитъ необыкновенно музыкально и звучитъ особенно хорошо среди такого молчанія въ этомъ серебристо-голубомъ воздухѣ! — Пикъ любилъ музыку до страсти и тутъ вдругъ такъ увлекся, что самъ запѣлъ. Но тотчасъ же почувствовалъ, что ровно ничего не вышло и очень сконфузился. — Нѣтъ, положительно, мнѣ невыносимо хочется къ тому черному. Эхъ, да что тамъ, смѣлымъ Богъ владѣетъ, лечу! — И Пикъ взвился къ верхушкѣ огромной сосны, надъ которой парилъ воронъ. Онъ сѣлъ на краю самой верхней вѣтки и сталъ, не сводя глазъ, смотрѣть на ворона. И тотъ, казалось, это по-





— Въ такомъ маленькомъ созданъ такое большое любопытство, —
сказалъ воронъ.
— Да, я ужасно любопытенъ. —

вась ноты звучныя очень хорошо выходятъ!

— Положимъ, что такъ. Ну, а дальше?

чуялъ: крикнувъ еще въ послѣдній разъ, онъ началъ медленно большими кругами спускаться къ соснѣ и сѣлъ на сосѣдней отъ Пика вѣткѣ.

— Боже мой, замѣтилъ меня, почувствовалъ сразу, сейчасъ заговорить! — думалъ Пикъ и затаилъ дыханье. Но съ минуты воронъ молча смотрѣлъ на Пика, и Пикъ глазъ не опустилъ.

— Въ такомъ маленькомъ созданъ такое большое любопытство, — сказалъ, наконецъ, воронъ, какъ будто нѣсколько насмѣшливымъ, но совсѣмъ не обиднымъ тономъ.

— Да, я ужасно любопытенъ. Потому мнѣ ужасно нравится, какъ это вы парите такъ страшно высоко, и эти у

— Да, еще вы так хотѣлось васъ спросить; вы, говорятъ, вѣщая птица, значить, вамъ многое открыто, что сокрыто отъ другихъ; вы можете знать будущее? — Я думаю, гораздо лучше будущаго не знать, особенно для любопытныхъ: зная впередъ, что будетъ, не остается материала для любопытства. — Да, да, пойдите, вѣдь это совершенно вѣрно. И все-таки мнѣ ужасно хотѣлось бы знать, что ждетъ меня впереди, хоть самую малость. — Я думалъ, что любопытство и нелогичность свойства женщины, теперь вижу, что эти черты встрѣчаются и у умныхъ и смѣлыхъ мужчинъ. Пророчить въ настоящую минуту не расположенъ. Совѣтъ дамъ охотно: вѣрный себѣ, вѣренъ другимъ. Живите и не смущайтесь пустяками. А затѣмъ, до свиданья! Хочу еще разъ подняться въ се-ребряную лазурь, ближе къ солнцу.

И воронъ полетѣлъ.

— Не смущаться пустяками, — подумалъ Пикъ. — Развѣ это не прямой отвѣтъ, и не значить ли это, что я не долженъ обращать вниманія на все неприятное, что мнѣ наговорили тогда вороны, на шпильку дятла, на нелестныя намеки моихъ сородичей и всякія другія преграды, которыя будутъ мнѣ встрѣчаться на пути. Въ сущности, онъ мнѣ не сказалъ ничего новаго, но онъ вѣщая птица, это для меня теперь вѣдь всякаго сомнѣнія; онъ точно въ душу мнѣ заглянулъ; я таки былъ смущенъ послѣднее время, а теперь опять твердо знаю, что долженъ быть вѣренъ себѣ, и послѣ этихъ словъ ворона меня не собьютъ съ толку ни-

какія вороны. А какъ умно про любопытство, и какъ это мнѣ до сихъ поръ въ голову не приходило, что, если знать будущее, жизнь потеряетъ свой интересъ, не говоря уже о томъ, что, если знать, что тебя ждетъ ужасъ, жизнь станетъ пыткой. Да, и за нелогичность онъ меня обругалъ по-дѣломъ. А за то какія онъ мнѣ великолѣпныя слова сказалъ: „умный и смѣлый мужчина“, это я! Теперь, я знаю, что не могъ быть и никогда не стану паразитомъ. Да, этотъ короткій разговоръ съ ворономъ доставилъ мнѣ громадное удовольствіе. Прекрасная, умная птица! А многіе находятъ, что противная... Вотъ, что падалью питается.. да, это дѣйствительно некрасиво, но, Боже мой, развѣ люди, эти умнѣйшія и прекраснѣйшія существа, не дѣлаютъ, въ сущности, того же, и все-таки я люблю ихъ и буду вѣренъ себѣ, какъ сказалъ мнѣ мудрый воронъ.

VI.

Дни замѣтно удлинились, а между тѣмъ время шло быстрѣй и быстрѣй. — „Такъ всегда бываетъ, — говорили люди, — послѣ новаго года вторая половина зимы проходитъ гораздо скорѣй“. И Пикъ былъ съ этимъ согласенъ. Разъ ночью, ему приснилось, что онъ ходитъ съ аистомъ по низкому берегу рѣки и радостно и смущенно говоритъ другу:

— Какъ же это! Вѣдь еще зима, а вы уже вернулись! Я ужасно радъ этому, но боюсь не стали бы вы мерзнуть?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ аистъ, — больше не будетъ морозовъ; развѣ вы не замѣчаете, что дѣлается кругомъ? — И онъ остановился, настороживъ

шись, какъ дѣлалъ это всегда при приближеніи человѣка, намѣреваясь повернуть отъ него въ противоположную сторону. Остановился и Пикъ, наостривъ глаза и уши.

— Слышите? Земля точно вздрагиваетъ! Она спитъ еще, но чувствуетъ сквозь сонъ приближеніе весны и хочетъ сбросить дрему и тянется къ солнцу.

И Пикъ почувствовалъ, что подъ нимъ и вокругъ него точно все гудитъ и вздрагиваетъ, и кто-то чуть слышно шепчетъ и вздыхаетъ.

— Земля просыпается! Земля просыпается!—зазвучало, зазвенѣло все кругомъ. И вдругъ запахло чѣмъ-то необыкновенно отраднымъ. Ахъ, что это, что это? Да, вонь на горѣ вся сирень въ цвѣту! Какъ же это такъ, ужъ сирень!—И Пикъ обернулся къ аисту, но его не было, исчезъ куда-то, а подъ ногами Пика вмѣсто снѣга—трава, а на травѣ цвѣты, безъ конца цвѣты, и между ними красные маки, совсѣмъ удивительные, какихъ Пикъ никогда не видывалъ: головы величиной чуть не съ тарелку, и стебли, сначала низкіе, вытягиваются, растутъ и, склоняя слегка головы, киваютъ Пику и говорятъ:

— Здравствуй, здравствуй! Вотъ мы опять!

— Здравствуйте, здравствуйте! Какое великолѣпіе!—кричитъ имъ Пикъ и просыпается.

Онъ въ клѣткѣ, за окномъ начинается разсвѣтъ, но еще все сѣро, только на поляхъ тускло бѣлѣетъ снѣгъ. Никакой травы, никакихъ маковъ, но все равно, Пикъ чувствуетъ, что что-то особенное творится тамъ за окномъ, и снѣгъ даже лежитъ какъ будто не такъ, какъ

всегда, и вонь ель, что сбоку, шепчетъ, шепчетъ что-то, какъ шепталось все кругомъ во снѣ. Да, положительно, Пикъ видитъ, что ель шепчетъ и смотритъ на что-то вдаль.

— Земля просыпается! Земля просыпается! Да, кажется, настала минута, когда я не могу быть больше въ клѣткѣ,—и Пикъ выпрыгнулъ на полъ, такъ какъ Надя, находя, что въ ея комнатѣ онъ былъ въ полной безопасности, оставляла всегда на ночь дверцу отворенной.

— Разбужу ее и попрошу выпустить,—рѣшилъ Пикъ,—другого выхода нѣтъ, а „тамъ“ несомнѣнно что-то дѣлается и я долженъ быть тамъ.

Онъ прыгнулъ сначала на одну изъ Надиныхъ туфель, стоявшихъ у кровати, но нѣтъ, туфли мягкія и на коврѣ никакого шума; надо дѣйствовать энергичнѣе, хоть и жалко будить, а то тамъ еще все пропустишь. И Пикъ, взлетѣвъ къ Надѣ на плечо, сталъ щекотать ее около уха. Этого она совсѣмъ не выносила и тотчасъ проснулась.

— Ахъ ты, буянъ, что-жъ это ты меня разбудилъ такую рань! — проговорила она не совсѣмъ внятнѣмъ голосомъ и опять закрыла глаза.

Чтобы дать понять, что иначе было невозможно и что онъ ее очень проситъ, Пикъ нѣсколько разъ поцѣловалъ Надю, потомъ вѣпорхнулъ и, усѣвшись на ручкѣ фортки, сталъ нетерпѣливо постукивать клювомъ въ стекло.

— Приходится-таки встать,—прошептала Надя и, даже не надѣвъ туфель, такъ не хотѣлось шевелиться, колеблющейся съ просонокъ походкой пошла къ окну.—Что-то особенное случилось, что ты рѣшился разбудить меня такую рань,—ну, лети, мой вольный. Ахъ, какимъ

чудеснымъ воздухомъ пахнуло и совсѣмъ тепло, и каплетъ гдѣ-то, снѣгъ таетъ; ахъ, вѣдь, скоро лѣто!—Надя бросилась опять въ постель и, подвернувъ одѣяло подъ слегка озябшія ноги, стала засыпать съ радостнымъ чувствомъ и съ мыслью о лѣтѣ. Въ эту самую минуту за окномъ, сначала таинственно сдержаннымъ шепотомъ, потомъ громче и громче раздалось дружное ликующее пѣніе воробьевъ.

— Ахъ, какая прелесть, ужъ воробьи чирикаютъ, весна!—подумала Надя, улыбнулась и съ этой улыбкой заснула.

Пикъ только-только успѣлъ примкнуть къ хору воробьевъ, въ торопяхъ толкнувъ дядюшку съ бѣльмомъ, но тотъ на этотъ разъ не разсердился: слишкомъ радостная и торжественная была минута.

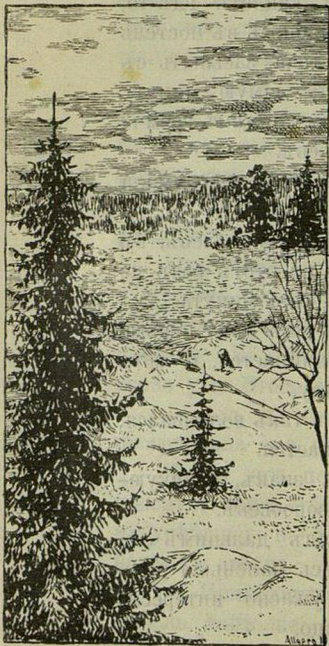
— Ты еще не знаешь,—тихо сказалъ онъ Пикъ— мы вѣдь первые начинаемъ пѣть при наступленіи весны; сегодня начинается, и вотъ мы собрались все на первую предразсвѣтную молитву.

— Да, я знаю,—еле слышно отвѣчалъ Пикъ. Онъ такъ волновался, что у него даже лапки подгибались,—земля просыпается.

Въ эту минуту предводительница хора сдѣлала знакъ, и ликующій голосъ Пика слился съ голосами остальныхъ воробьевъ.

Когда пропѣли молитву, стало почти свѣтло, надъ дальнимъ лѣсомъ, словно чему то радостно улыбаясь, разбѣгались маленькія розовыя облачка. Пикъ подлетѣлъ къ ели, которая ужасно интересно шептала, когда онъ, проснувшись, заглянулъ въ окно.

— Не знаете ли, что это за удивительный сегодня вездѣ аромать? Тутъ, около васъ, кажется, еще сильнѣе.



Ель так интересно шептала сегодня на разсвѣтъ.

— Ну, конечно, земля просыпается!
— Ахъ, и вамъ это извѣстно! Вы, значить, понимаете?

— Вотъ тебѣ разъ! Еще бы я этого не знала и не понимала! Всю эту ночь я тоже просыпалась; такъ и чувствовала, какъ бѣжитъ сокъ по корнямъ, и вмѣстѣ со всей землей готовилась къ встрѣчѣ этой первой весенней зари.

— Но, вѣдь, еще, мнѣ кажется, зима какъ будто не кончилась, вездѣ снѣгъ.

— Пожалуйста, не перебивайте меня, я могу хорошо говорить, когда мнѣ даютъ спокойно высказываться, а вы слишкомъ горячитесь и все хотите сразу узнать.

— Простите, больше не буду.

— Да, такъ вотъ: снѣгъ, дѣйствительно еще лежитъ вездѣ кругомъ, но царству его—конецъ, понимаете?

— Поним...

— Молчите! Будутъ еще морозы, особенно по утрамъ, такъ называемые заморозки, нѣсколько разъ еще примется валить новый снѣгъ, но все равно, это одна призрачность, потому

что, повторяю, царству снѣга и зимней спячкѣ конецъ. И снѣгъ самъ это отлично знаетъ, посмотрите, развѣ онъ не имѣетъ сегодня страннаго вида! Совѣмъ не такой, какимъ былъ еще вчера; онъ смущенъ, его, точно что придавило, смотрите,—вонъ тамъ мѣстами потемнѣлъ съ досады.

— Да, и точно присѣлъ.

— Молчите! Про снѣгъ лучше сказать осѣлъ. Да, таки осѣлъ ужъ за одну ночь и плакать началъ, слышите, капаютъ слезы. Оно понятно, никому не легко разставаться со своимъ царствомъ. Но все равно: пробужденіе земли началось, весна идетъ, и нѣтъ силы, которая могла бы остановить ее.

— Да, я гоже думаю, нѣтъ силы! — не удержался Пикъ и въ восторгѣ забилъ крыльями.

— Все не даете кончить!

— Не буду, не буду.

— Вы начали нашъ разговоръ вопросомъ объ ароматѣ, который вы особенно почувствовали сегодня,—это наше дыханіе, всѣхъ насъ, растущихъ на землѣ; мы вмѣстѣ съ ней просыпаемся опять къ полной жизни. Какъ вы вотъ сейчасъ пропѣли хоромъ вашу мѣлитву, такъ и мы дыханьемъ нашимъ хвалимъ и благодаримъ Бога за дарованную намъ жизнь, за все это великолѣпіе, которое особенно поражаетъ насъ въ минуты перваго пробужденія послѣ долгаго зимняго сна. Всякій хвалить по своему, вы—голосомъ, мы—дыханьемъ. И чѣмъ кто сильнѣе чувствуетъ восторгъ, тѣмъ сильнѣе тотъ благоухаетъ. Вы вотъ

замѣтили, что подлѣ меня особенно силенъ аромать, — ахъ, если бы вы знали, какой я испытала сегодня восторгъ! — Я не умѣю выражаться кратко, это мой недостатокъ, но надѣюсь вы поняли меня?

— О, да! И я ужасно вамъ благодаренъ.

— Совершенно не за что: я сама люблю хорошую бесѣду, а сегодня готова всякому сдѣлать одолженіе — такъ радостно на душѣ. Смотрите, — вонъ усѣлись вороны, которыя вообще не отличаются особенно мягкимъ характеромъ, какъ вамъ извѣстно, но сегодня и онѣ не будутъ браниться и сплетничать: и онѣ охвачены радостнымъ волненіемъ, а когда тебя охватитъ подобное чувство, мелкимъ и дряннымъ чувствамъ мѣста нѣтъ.

Ель умолкла, словно задумалась о чемъ то, потомъ тихо-тихо зашептала верхними вѣтвями, точно заговорила сама съ собой, а на Пика такъ и пахнуло пьяняще-освѣжающимъ ароматомъ. — Молитесь опять, — подумалъ онъ и у самого сердце сладко екнуло, — который уже разъ съ этой ночи, — и вдругъ, зажмуривъ глаза, онъ запѣлъ во весь свой голосъ. Пропѣлъ молитву, какъ она вылилась у него изъ души, своими словами, и, поцѣловавъ вѣтку ели, на которой сидѣлъ, полетѣлъ въ паркъ: онъ боялся слишкомъ расчувствоваться при свидѣтелѣ и захотѣлъ побыть одинъ.

А на верхушку ели спустился воронъ.

— Любопытствовалъ? — спросилъ онъ, кивая на удалявшagoся Пика.

— Любопытствовалъ. Впрочемъ, я очень хорошо съ нимъ поговорила.

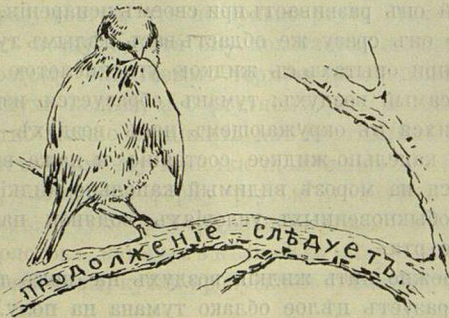
— Есть любопытство и любопытство. Онъ хорошо любопытенъ, но

я не хотѣлъ, чтобы онъ мнѣ задавалъ нѣкоторые вопросы, и потому обругалъ его.

— А ему грозить что то недоброе?

— Ахъ, оставьте, въ такое утро! И что разумѣть подь недобримъ? У всякаго свой взглядъ на это. Нѣтъ, недоброе ему не грозить. Ну, до свиданія! Съ просыпающей землей!

— Съ грядущей весной!



Жидкій воздухъ.

(Окончаніе).

ТЕПЕРЬ опишемъ рядъ опытовъ, которые можно продѣлать съ жидкимъ воздухомъ и которые все основаны на томъ страшномъ холодѣ, который онъ развиваетъ при своемъ испареніи. Если вылить его изъ стакана, то онъ сразу же обдастъ васъ цѣлымъ туманомъ пара, что замѣчается и при опытахъ съ жидкою углекислотою. Не слѣдуетъ думать, что это самый воздухъ: туманъ образуется изъ водяныхъ паровъ, находящихся въ окружающемъ насъ воздухѣ и переходящемъ отъ холода въ капельно-жидкое состояніе и даже въ иней и снѣгъ, какъ обращается на морозѣ видимый капельно-жидкій паръ, тотъ невидимый при обыкновенныхъ условіяхъ водяной паръ, который мы выдыхаемъ изо рта.

Если осторожно лить жидкій воздухъ на полъ тонкой струей, то онъ потомъ образуетъ цѣлое облако тумана на полу.

Нужно ли намъ бояться, если капля воздуха попадетъ намъ на руку? Оказывается, нѣтъ. Мы можемъ даже быстро окунуть палецъ въ сосудъ съ жидкимъ воздухомъ и невредимо вытащить его. Это объясняется тѣмъ, что наша кожа будетъ постоянно уединена отъ жид-

кости слою паровъ и въ непосредственное соприкосновеніе съ жидкостью не придетъ. Если это почему-либо случится, благодаря нашей неосторожности, то тѣло быстро промерзаетъ до кости, такъ что такіе опыты нужно дѣлать съ опаскою.

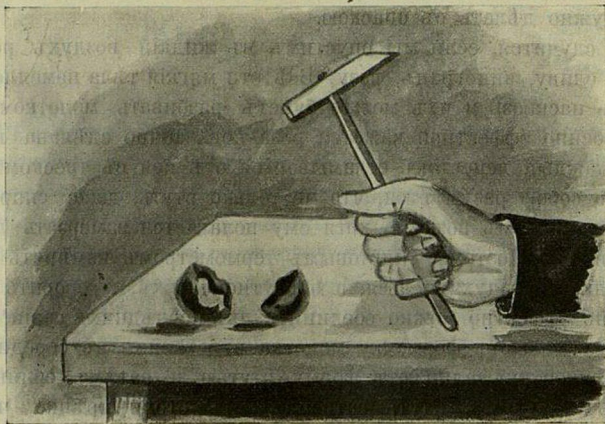
Что случится, если мы опустимъ въ жидкій воздухъ резиновый мячикъ, сливу, виноградъ, розу? Всѣ эти мягкія тѣла немедленно промерзнутъ насквозь и ихъ можно будетъ разбивать молоткомъ на куски. Особенно эффектной кажется роза—она точно сдѣлана изъ фарфора и каждый лепестокъ отламывается отъ нея съ трескомъ.

Само собою разумѣется, что не только ртуть, даже спиртъ твердѣетъ въ жидкомъ воздухѣ, хотя ему полагается замерзать лишь при 104° Реомюра. Поэтому спиртовымъ термометромъ измѣрять температуру жидкаго воздуха нельзя, а о ртутномъ ужъ и говорить нечего!

Очень эффектно можно соединить двѣ послѣднихъ серіи опытовъ. Изъ гипса дѣлаютъ формочку молотка и, вставивъ въ середину деревянную рукоятку, заливаютъ форму ртутью и затѣмъ обливаютъ ее жидкимъ воздухомъ. Ртуть затвердѣваетъ столь крѣпко, что получается *ртутный* молотокъ, которымъ нѣсколько минутъ подъ-рядъ можно разбивать промерзшія розы, куски пропускной бумаги (бумажные цвѣты) и многое другое.

Какъ извѣстно, въ кислородѣ воздуха тѣла горятъ очень ярко, и если бы въ атмосферѣ не находилось приблизительно $\frac{4}{5}$ азота, газа, не поддерживающаго горѣнія, то всякій пожаръ оканчивался бы медленнымъ уничтоженіемъ постройки.

Оказывается, что въ жидкомъ воздухѣ горѣніе происходитъ почти такъ же хорошо, какъ въ кислородѣ—тлѣющая лучина вспыхиваетъ



Молотокъ изъ замерзшей ртути, разбивающій промерзшій въ жидкомъ воздухѣ резиновый мячикъ.

и горитъ въ этой жидкости: хотя въ ней достаточно азота, но количество кислорода, сгущеннаго во столько разъ, обезпечиваетъ горѣніе. Однако, жидкій воздухъ легко можетъ при этомъ взорваться; поэтому

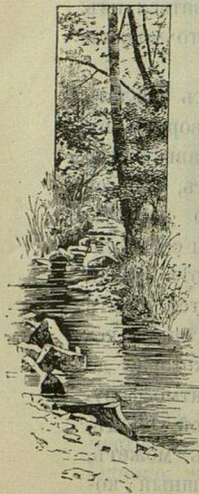
дѣлають опытъ такимъ образомъ: окунають въ жидкій воздухъ вату и подносятъ къ ней тлѣющую спичку—вата немедленно вспыхиваетъ и исчезаетъ моментально, съ легкимъ взрывомъ.

Полагають, что сташною силою жидкаго воздуха, можно будетъ современемъ воспользоваться какъ источникомъ работы, — можно будемъ взрывать камни, вертѣть колеса машинъ. Маленькій приборчикъ, называемый Сегнеровымъ колесомъ, легко можно заставить кружиться при помощи жидкаго воздуха, — послѣдній будетъ выталкиваться изъ четырехъ дырокъ машины и вращать ее съ такой силой, что можетъ даже быть приложеннымъ для какой-нибудь работы.

Нельзя сейчасъ и предвидѣть, какія открытія сьумѣетъ сдѣлать человѣчество при помощи жидкаго воздуха и какой переворотъ въ технику онъ произведетъ. Можетъ быть, человѣчество заставитъ его метать снаряды на погибель своему ближнему, можетъ быть, оно заставитъ его вертѣть машины и этимъ освободитъ большую рабочую силу отъ необходимости рыть и добывать съ опасностью для собственной жизни и здоровья каменный уголь изъ нѣдръ земли, тотъ самый уголь, запасы котораго все равно когда-нибудь да истощатся. Быть можетъ, этотъ воздухъ дастъ людямъ тотъ сильнѣйшій двигатель, который необходимъ имъ для того, чтобы завоевать стихію, которая до сихъ поръ остается имъ недоступною—тотъ же воздухъ—атмосферу. Какъ воздухъ, все болѣе и болѣе сгущаемый, далъ намъ такой холодъ, который помогъ превратить его же въ жидкость, такъ, быть можетъ, онъ подыметъ надъ землею и первый управляемый воздушный ко-

рабль: недаромъ же аэронавты говорятъ, что вся загадка лишь въ томъ, чтобы добиться легкаго и сильнаго двигателя для будущаго приспособленія, которое должно превратить человѣка, нынѣ несущагося на всѣхъ парахъ по сушѣ и водѣ, въ господина капризной воздушной стихіи.

А. Генкель.



„Зеленая“ недѣля.

ПРИШЛА весна красная, деревья шумятъ свѣжею листвою, поля одѣлись травами зелеными да цвѣтами разноцвѣтными, птицы до поздняго вечера перекликаются.

На Николу весенняго отсѣяли яровое. Передохнуть кони, надо поле навозить, пашню подъ озимое пахать. Но до страдной поры еще далеко, не наступили короткія ночи, не надо вставать до зари. Управившись съ дневными работами, есть время посидѣть вечерокъ съ сосѣдями, послушать газету, поговорить про городское житье съ гостемъ—фабричнымъ или съ солдатомъ, пришедшимъ на побывку.

А у парней съ дѣвками свое веселье,—пѣсни пѣть, вѣнки завивать, хороводы водить. Но теперь ужъ не то веселье, что въ старину. Прежде вплоть до Петрова дня съ самой радуницы тянулись гулянья да праздники. Особенно весело справляли Иванову ночь и обрядные дни на семицкой или зеленой недѣлѣ, что предъ Троицей. «Какъ у насъ въ году,—говорится въ старинной костромской пѣснѣ,—

„Какъ у насъ въ году три праздника,
Первый праздникъ—Семякъ честной,
Другой праздникъ—Троицынъ день,
А третій праздникъ—Купальница“.

«Семякъ честной»—это четвергъ зеленой недѣли. Въ этотъ день дѣвушки и парни съ ранняго утра начинаютъ украшать комнаты, устилають полъ свѣжей травой, убирають окна и стѣны зелеными вѣтками, цвѣтами, мятой, чаберомъ и другими душистыми травами. А снаружи вдоль улицы рядами устанавливаютъ молодья березки, липы и клены. Наряженные по-праздничному парни и дѣвки гуляютъ въ этомъ «зеленомъ саду», пѣсни поютъ, шутками перекидываются. Послѣ обѣда дѣвушки со всей деревни идутъ «наряжать гостейку»—молодую березку, напѣвая обрядную пѣсню:

„Ты не радуйся,
Дубъ съ горькой осиною,
Ты радуйся, бѣлая береза!
Къ тебѣ дѣвки идутъ,
Къ тебѣ красныя идутъ,
Съ пирогами, со яичницей,
Со драченами“

Срубленную молодую березку наряжают въ лучшее женское платье, убирают лентами и разноцвѣтными лоскутьями. Въ древнее время народъ благодарилъ такъ богиню Весну за то, что она одѣла поля и деревья цвѣтами и зеленью. А теперь правятъ старинный обрядъ...

Предъ наряженной березкой дѣвушки «кумятся» между собой. Для этого онѣ выбираютъ растущія невдалекѣ плакучія березы, свиваютъ ихъ длинныя густыя вѣтви въ вѣнки и чрезъ нихъ цѣлуются— „кумятся“, приговаривая:

„Покумимся, кума, покумимся,
Мы семидкою березкой покумимся.

Ой, Дидь-Ладо, честному Семику!

Ой, Дидь-Ладо! березкъ моей,

Еще кумушкъ да голубушкъ!

Покумимся,

Покумимся,

Не сваряся, не браняся,

Ой, Дидь-Ладо, березка моя!

Покумившіяся подруги должны жить душа въ душу, въ полномъ согласіи и любви, до Троицына дня.

Изъ принесенныхъ „пироговъ, яичницъ, драчень“ и другихъ припасовъ устраивается общій пирь. А потомъ дѣвушки съ пѣснями и танцами несутъ березку въ деревню, въ избранный съ общаго согласія домъ, гдѣ она „гоститъ“, оттого и зовется „гостейкой“ до вечера Троицы, когда ее вмѣстѣ съ вѣнками бросаютъ въ воду, гадая по ней судьбу.

Въ зеленую субботу новый обрядъ—русалокъ гонять. По народному повѣрью, русалки на зеленой недѣлѣ выходятъ изъ своихъ подводныхъ хрустальныхъ чертоговъ, украшенныхъ золотомъ и жемчугами, и живутъ до самаго Петрова дня въ поляхъ и лѣсахъ. Русалки по ночамъ выходятъ изъ лѣсной чащи, качаются на деревьяхъ, расчесываютъ золотымъ гребнемъ свои пышные зеленые волосы, зажигаютъ на болотахъ блуждающіе огни. Горе путнику, если онъ заглядится на русалокъ и заслушается ихъ пѣсень! Онѣ заведутъ его въ болото, утопятъ въ омутѣ или защекочутъ до смерти. Другія русалки носятся по рощамъ, бьютъ въ ладоши или, свернувшись клубкомъ, катаются по травѣ и дорогамъ, а нѣкоторыя пробираются въ деревни, портятъ скотину, крадутъ шерсть, которую потомъ съ хохотомъ и ауканьемъ разматываютъ, качаясь на деревьяхъ.

Вмѣстѣ съ русалками выплываютъ изъ омутовъ и маленькія русоволосыя русалочки. Русалки крадутъ изъ могилъ дѣтей, умершихъ безъ крещенія, и уносятъ ихъ къ себѣ въ омутъ. Тамъ они превращаются въ русалокъ. Но сначала въ продолженіе семи лѣтъ каждый годъ съ зеленой недѣли до Петрова дня онѣ летаютъ по воздуху, выпрашивая себѣ у людей крещенія. Нужно сказать: „я тебя крещая, Иванъ да Марья, во имя Отца и Сына и Святого Духа“,— тогда онѣ станутъ ангелами. А если никто не услышитъ ихъ жалобныхъ криковъ, они превращаются въ маленькихъ русалокъ, плещутся на водѣ, бѣгаютъ по полямъ и нивамъ, поютъ свою русалочью пѣсню: „бухъ, бухъ, соломенный духъ! меня мати породила, некрещену по-

ложила“. Людей онѣ ненавидятъ и мстятъ имъ за то, что они лишили ихъ царства небеснаго.

Чтобы отогнать русалокъ отъ своихъ деревень, крестьяне ночью бѣгаютъ по полямъ, машутъ помеломъ по воздуху, приговаривая: „догоняй! догоняй!“ Русалки съ плачемъ убѣгаютъ въ лѣсъ. А дѣвочки, тѣ, что посмѣлѣе, запасшись зорей и польнью, которыхъ русалки боятся,—слѣдомъ за ними. Тамъ онѣ бросаютъ русалкамъ цвѣты и вѣнки и просятъ добыть имъ суженыхъ. Страшно ночью въ лѣсу: мало ли тамъ всякой нечисти! Можно и съ самимъ „лѣсовикомъ“ встрѣтиться. Какъ залаетъ онъ, заржетъ, замлукаетъ, какъ взглянетъ чело-вѣкъ на его тѣло косматое, на ноги козлиныя, на длинные когти и бороду лохматую: тутъ ему и конецъ! Известное дѣло: „съ лѣсовикомъ не справиться“,—говоритъ пословица. Да чего не сдѣлаешь, чтобы про судьбу загадать!

Зеленое убранство остается съ семика до Троицы. На Троицынъ день завиваютъ вѣнки и гадаютъ о суженыхъ. Народная молва говорить, что весной земля вступаетъ въ брачный союзъ съ небомъ. Оттого и люди загадываютъ по веснѣ о любви, о супружествѣ, о своихъ суженыхъ.

Съ пѣніемъ обрядовой пѣсни молодые люди отправляются въ лѣсъ:

„Благослови, Троица,

Богородица,

Намъ въ лѣсъ пойти,

Намъ вѣнки завивать,

Ай, Дидь! ой, Ладо!

Намъ вѣнки завивать
И цвѣты сорывать,
 Ай, Дидь! ой, Ладо!
А мы въ лѣсъ пойдемъ
И цвѣтовъ нарвемъ;
Мы цвѣтовъ нарвемъ
И вѣнокъ сошьемъ,
 Ав, Дидь! ой, Ладо!“

Парни и дѣвки обмѣниваются завитыми вѣнками, надѣваютъ ихъ на голову и волятъ до поздняго вечера хороводы съ различными хороводными пѣснями.

„Травина-ль, травинушка,
Травина-ль моя шелковая!
Еще кто же тебя, траву, приштопалъ?
Приштопали меня, травинушку,
Да, все дѣвушки, да все красныя,
Въ зеленомъ саду гуляючи,
Золотымъ мечемъ играючи,
Все себя же утѣшаючи!“

Вечеромъ, когда стемнѣетъ, идутъ на берегъ рѣки и бросаютъ вѣнки въ воду, гадая по нимъ о судьбѣ. Чей вѣнокъ поплыветъ, не коснувшись берега, тотъ найдетъ счастливый бракъ и долгую жизнь; чей закружится на одномъ мѣстѣ, у того любовь будетъ несчастная, свадьба разстроится, а чей потонетъ, тому либо совсѣмъ не жениться, либо его ждетъ скорая смерть.

Такъ кончается веселый Троицынъ день. Теперь деревня забѣд-

нѣла. Не до пѣсенъ, не до веселья крестьянину: недороды и голодовки, нужда и притѣсненія измучили народъ.

Но гдѣ побольше земли и живутъ посправнѣе, тамъ еще помнятъ прежнюю красивую русскую жизнь, правятъ дѣдовскіе обычаи и обряды, поютъ старинныя народныя пѣсни...

Благочестивые люди считаютъ грѣхомъ народныя гулянки. Но и они принимаютъ участіе въ „Зеленомъ“ праздникѣ: украшаютъ цвѣтами и зеленью храмы, такъ что въ Троицынъ день иконостась, образа, паникадила, подсвѣчники,—все тонетъ въ зелени. Въ церкви на Троицу читаются особыя молитвы Св. Духу, сошедшему на апостоловъ въ видѣ огненныхъ языковъ. Эти молитвы слушаютъ съ цвѣтами въ рукахъ, выражая этимъ вѣру въ то, что церковь вѣчно—юная Невѣста Христова и что въ ней нѣтъ смерти и тлѣнія. Молящіеся уносятъ эти цвѣты съ собой. Есть народное вѣрованіе, что они помогаютъ противъ всякихъ недуговъ.

Василій Успенскій.



Ариѐмографъ № 3.

1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10. *Русскій поэтъ*
4. 8. 3. 2. Часть природы.
9. 5. 3. 8. 6. 10. Птица.
3. 2. Музыкальная нота.
9. 8. 3. 5. 7. 10. Часть одежды.
9. 5. 1. 10. Животное.
6. 5. 4. 2. 3. 10. Найдете въ каждой гостинницѣ.
9. 5. 3. 10. Опасный человѣкъ.
4. 5. 7. 10. Опасный человѣкъ, главнымъ образомъ для самого себя.
7. 5. 4. 10. Книга.
3. 5. 4. 10. Напитокъ.
4. 2. 6. 7. 5. 3. 10. Наставникъ.
4. 8. 6. 7. 2. 3. 10. Работаетъ при проведеніи электричества.
3. 2. 4. 8. 6. 7. 10. Необходимъ для каждаго дома.
7. 5. 3. 10. Скандинавскій богъ.
7. 2. 6. 5. 3. 10. Голосъ.
4. 2. 7. 2. 8. 3. 10. Небесное явленіе.
1. 8. 7. 8. Игра.
3. 8. 7. 10. Часть лица.
1. 8. 7. 10. Вѣсь.
4. 5. 7. 5. 3. 10. Экипажъ.

Рѣшеніе задачъ, помѣщенныхъ въ 9-мь №.

Ребусъ № 6.

Шутки шуточками, а дѣло дѣломъ.

Шарада № 9.

Иволга.

Шарада № 10.

Калуга.

Отъ конторы редакціи.

1. Рукописи, присылаемая въ редакцію, должны быть четко написаны и снабжены подробнымъ адресомъ автора. Принятая рукописи, въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются.

2. Лица, адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, прилагаютъ 7-ми копѣчную марку для отвѣта.

3. Гдѣ подписчики, живущіе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ, обозначаютъ почтовое мѣсто, куда журналъ долженъ быть адресованъ. Ответственность за исправную доставку журнала въ почтовыхъ мѣстъ почтаamtъ на себя не принимаетъ.

4. Заявленія о неполученіи номера адресуются непосредственно въ редакцію и не позже полученія слѣдующаго №.

5. Заявленія о перемѣнѣ адреса посылаются непосредственно въ редакцію, при чемъ необходимо указать и старый адресъ. При перемѣнѣ петербургскаго адреса на петербургскій или иногороднаго на иногородный уплачивается 20 коп., а при перемѣнѣ петербургскаго на иногородный или иногороднаго на петербургскій уплачивается 40 к.

Редакція открыта для личныхъ переговоровъ по субботамъ отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1906 годъ

на иллюстрированный дѣтскій журналъ

„ТРОПИКА“

ВЫХОДИТЬ 1 и 15 КАЖДАГО МѢСЯЦА книжками въ 2—3 ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТА И
ПРЕДНАЗНАЧАЕТСЯ для дѢТЕЙ СРЕДНЯГО ВОЗРАСТА.

Въ журналѣ будутъ помѣщаться повѣсти, рассказы, стихи, театральныя пьесы,
статьи научно-образовательнаго характера, ребусы, шарады и загадки.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: *Аллего, М. С. Безобразова, З. Венгерова,*
пр.-доц. *А. Генкель, Т. Гиттисъ, К. Ельцова, Е. Кавось-Зарудная, А. Коваленская,*
проф. *Н. Котляревскій, А. Куринъ, К. Лукашевичъ, Д. Маминъ-Сибирякъ,*
Н. Манасеина, М. Н. Маринскій, Д. Мережковскій, Л. Нелидова, Э. Пименова,
А. Ремизовъ, проф. М. Ростовцевъ, В. Успенскій, О. Химона, О. Чюмина и мн. др.

Цѣль и задачи журнала—развивать въ дѣтяхъ художественное чутье,
давать имъ занимательное и полезное чтеніе, включающее религіозный
и сказочный элементъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ съ пересылкой и доставкой **3** рубля, на
полгода **2** руб.

Подписка принимается въ конторѣ журнала и во всѣхъ
извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ; отдѣленіе конторы въ
Москвѣ при конг. Печковской, Петровск. лин.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ и КОНТОРЫ: С.-Петербургъ, Площадь Маринскаго
Театра, 6.

Редакторы-издатели **П. Соловьева** и **Н. Манасеина.**